

УДК 340.124
ББК 67.1(4Фра)6–24

КОНЦЕПЦИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА РАЙМОНА КАРРЕ ДЕ МАЛЬБЕРГА

В.В. Слеженков

Данная статья связана с анализом идей Р. Карре де Мальберга, обусловивших формирование концепции правового государства во Франции. Автором рассмотрены основные характеристики правового государства, отмечены дискуссионные аспекты его сущности, показано влияние изученных взглядов в исторической перспективе.

Ключевые слова: *правовое государство; суверенитет; власть; законность; легитимность; иерархия норм; конституционализм.*

Несмотря на традиционную значимость теории государства для французской политико-правовой мысли, концепция правового государства появилась во Франции существенно позднее, чем в Германии и Великобритании, что объясняется спецификой коннотаций терминов «Etat» и «République», определяющих государство в тесной взаимосвязи с правом, политической и административной централизацией, неустойчивостью конституций, легицентризмом. Лишь в 1907 г. понятие «правовое государство» («Etat de droit») вводится в научный оборот Л. Дюги как перевод немецкого аналога «Rechtsstaat» и получает частное значение в рамках его теории солидаризма [11, р. 82], а далее его использует М. Ориу в контексте институционализма и концепции «государства справедливости» [7]. Наконец, в 1920–1922-х гг. идеи правового государства консолидируются на концептуальном уровне Р. Карре де Мальбергом, чьи взгляды на многие годы определяют понимание данного феномена.

Политико-правовые воззрения Р. Карре де Мальберга, несмотря на влияние индивидуалистической философии XVIII в. (что проявляется в тезисах о конституционализме, легитимности власти, различии формальной и материальной законности, внимании к опасностям демократии [9]), имеют преимущественно позитивис-

тское содержание. Он проводит масштабный анализ сущности государства, отдавая приоритет юридическим аспектам; с точки зрения их эволюции и связанности власти правом им выделяются типы государства, наиболее прогрессивным из которых является правовое.

Р. Карре де Мальберг отмечает недостатки классического понимания государства как «сообщества людей, обосновавшихся на собственной территории и имеющих соответствующую организацию, в силу чего данная группа как единое целое приобретает во взаимоотношениях с составляющими группу членами высшую власть действовать, управлять и принуждать» [3, р. 7]. По его мнению, данная дефиниция перечисляет необходимое для образования государства, не показывая правовую природу, смешивая материальное существование населения, территории, власти и юридическое – государства, правовыми характеристиками которого выступают единство (национальная общность, выражающая коллективную волю через созданные с этой целью органы), правосубъектность (юридическая персонификация нации), суверенная власть [ibid, р. 8–9]. Соответственно, им отвергаются и все попытки (например, М. Ориу) внесения в понятие государства политического (демократизм), телеологического (улучшение условий социальной среды, воплощение справедливости) и иных неюридических элементов [7].

Суверенитету – определяющему качеству власти государства – теоретик уделяет

особое внимание, подчеркивая неприятие полусемичности его понятия: персонификация суверенитета (Л. Ле Фюр) [1, с. 172] юридически некорректна, так как государство постоянно правосубъектно, правители же переходящи, а их воля есть отражение политического выбора; понимание суверенитета как субъективного права государства (А. Эмен, М. Ориу) [2, с. 158] ошибочно смешивает его с властью и разделяет, сводя к полномочиям последней. Согласно Р. Карре де Мальбергу, суверенитет – высший характер независимой власти, абстрактная властеспособность, означающая свойство, образ действия, определенный уровень власти, источник первичных верховных юридических полномочий государства [1, с. 176–177]. Следствиями такой позиции явились критика национального суверенитета и отрицание народного суверенитета.

Идея власти, доминирования в концепции государства является ключевой для мыслителя – подтверждение тому он видит и в современной милитаризованной Европе. Активизация вмешательства государства в общественную жизнь не означает, по мнению Р. Карре де Мальберга, смещения акцентов в его отношениях с населением в пользу сотрудничества, имеющего лишь частное (в форме выборов, подчинения законам), но не превалирующее значение, так как невозможны ни всеобщее участие во власти, ни гармоничное сочетание свободных индивидуальных усилий для достижения социально значимых результатов – инструментом этого может быть только властное распоряжение [там же, с. 169–170]. Функция права – регулирование проблемных ситуаций, не подразумевающих сотрудничества; оно должно быть предусмотрено правом с его властно-принудительными атрибутами и имеет юридическую силу лишь в этих рамках. Целью государства остается утверждение власти, сотрудничество – лишь средство достигнуть ее (очевидно различие с упомянутой позицией М. Ориу или Л. Дюги, видевшего такую цель в реализации права для содействия социальной солидарности) [2, с. 57].

Однако изменения затрагивают источник власти – расширяя формы деятельности, государство нуждается для укрепления власти в органическом сплочении общества, придании легитимности своим решениям. Формаль-

но оно не обязано учитывать волю народа, но в реальности это означало бы возможность усомниться в законности как форме существования права, то есть оспорить и действительность правовой системы в целом; не стоит забывать и о том, что государство существует не для себя, а для народа. Государство связано правом, ведь какой бы абсолютной ни была его мощь, оно не может отрицать правопорядок, так как само в итоге разрушится [3, р. 229]. Это обуславливает развитие форм организации власти от «полицейского государства» («Etat de police») к «государству законности» («Etat légal») и «правовому государству».

Полицейское государство (существовало во Франции при Старом порядке) ученый определяет в качестве системы, в которой администрация с практически неограниченной свободой усмотрения применяет к гражданам меры, которые сочтет необходимыми, чтобы противостоять обстоятельствам и достигать своих целей, а право играет роль инструмента господства [ibid, р. 488].

Государство законности (современная мыслителю Третья республика) – демократический правовой идеал, обеспечивающий примат закона как воплощения легитимно сформулированной воли большинства, или общей воли. Такая законность ограничивает условия деятельности государства, но носит формальный характер и заключает потенциальную угрозу для граждан, поскольку парламентское верховенство не предполагает постановку вопроса о сущности закона [10].

Правовое государство (цель развития) отражает суть либеральной теории фундаментальных прав как лимитов демократически легитимированного осуществления законодательной власти. «Для осуществления отношений со своими гражданами и соблюдения их личного статуса» оно «само подчиняется определенному правопорядку, ограничивая себя рамками правовых норм, среди которых одни определяют права, предоставляемые гражданам, а другие устанавливают заранее пути и средства, которые могут быть использованы для достижения государственных целей: эти оба вида правовых норм направлены на то, чтобы ограничить могущество государства путем подчинения его существующему правопорядку» [3, р. 488–489].

В отличие от государства законности, правовое государство не только подтверждает защиту прав, но и предоставляет средства защиты, укрепляет авторитет судебной власти (исторически занимающей во Франции подчиненное положение), обеспечивает охрану индивидуальной свободы против опасности «тирании большинства» и произвола власти, обязывая последнюю соблюдать закон, применяя только меры, которые им прямо предусмотрены или разрешены [3, р. 488]. Связанности законом для этого недостаточно – Р. Карре де Мальберг отвергает немецкую теорию самоограничения государства [8], разделяя следующий тезис Л. Дюги: «если государство связано лишь законом... который оно может не создавать или переделать посредством другого закона, то в действительности оно несколько не связано правом» [2, с. 73].

Определяя идеал правового ограничения государства, мыслитель отмечает необходимость прочности конституционного режима и переосмысливает сложившуюся в доктрине традицию «иерархии норм» – Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г., признающей естественные права, конституции, законов, регламентарных актов (на практике, однако, подменяемую принципом формальной законности). В отличие от Л. Дюги, видевшего в иерархии отражение приоритета идей социальной солидарности, обязывающих правителей [2, с. 67], и М. Ориу, подчеркивавшего главенство «социальной конституции», заключенной, среди прочего, в принципах 1789 г., необходимость для государства поддерживать баланс порядка и свободы на основе справедливости [7], он ставит на первое место в ней конституцию [11, р. 90–91]. Основаниями выступают ее высшая юридическая сила, процедура специфической ревизии, фиксация ею статуса органов власти, позволяющие ограничить компетенцию законодателя; нормы же Декларации, являющиеся принципами обычного права, не исходящего от государства, не могут на это претендовать (конституционные законы 1875 г. регулировали лишь организацию и отношения властей) [5]. Конституция выражает высшую волю нации, легитимирует власть, а граждане получают в ней изначальный источник полномочий, к осуществлению которых они могут быть призваны во

имя участия в государственном суверенитете [1, с. 174]; именно конституция выступает средством ограничения государства правом.

В этой связи и с учетом практики принятия законов, отклоняющихся от содержания конституции, необходимым атрибутом правового государства Р. Карре де Мальберг (как и Л. Дюги, и М. Ориу) признавал конституционный контроль [11, р. 91], осуществляемый, однако, не специализированным квазисудебным органом, а системой общего правосудия по образцу США. В сочетании с усложнением изменения конституции и введением общенародных выборов президента республики учреждение данного института позволило бы, по его мнению, выполнить задачу рационального ограничения всемогущества законодателя и обеспечить реальное конституционное верховенство.

Наконец, важным элементом правового государства теоретик считал систему организации власти, отрицавшую классический принцип ее разделения и характерные также для французской доктрины (от Б. Констана до Л. Дюги) идеи «координации властей». Р. Карре де Мальберг исходил из идей единства и субординации власти, выражающей себя во множестве форм (в различных органах), вносящих вклад в общее дело – установление доминирования единой неделимой воли, но иерархично организованной под руководством парламента. Такое мнение обуславливалось следованием «иерархии норм», концепции закона как выражения общей воли и единственного, в дополнение к конституции, инструмента разделения полномочий властей [4, р. 72], неприятием деления властных функций (ввиду отсутствия юридических оснований, опасности смешения задач и функций государства и единства целей, стоящих перед актами различных видов), убежденностью в том, что правовая наука должна иметь дело с юридическим эффектом действий государства, а не с их социальными следствиями [12], и не мешало критике «абсолютного парламентаризма» как основания нестабильности конституционных гарантий. Стоит сказать, что в политической практике Франции дилемма между принципами единства и координации разрешалась в пользу первого вплоть до принятия Конституции 1958 г., отдавшей приоритет исполнительной власти [6].

На основании вышеизложенного формулируем следующие выводы:

- правовое государство рассматривалось Р. Карре де Мальбергом как идеал, формирующийся вследствие изменения источника государственной власти, расширения участия в ней граждан, усиления ее легитимации, результат преодоления отмеченного еще в демократических теориях середины XIX в. парадокса возрастания власти, теряющей при этом прочность;
- становление правовой государственности не меняет сущность суверенной власти, но влечет ее самоограничение правом в целях защиты индивидуальных прав и свобод, ценность которых не вызывала сомнений и ранее, но могла быть нивелирована в свете формального подхода к законности в условиях абсолютизации парламентского верховенства;
- подобное упрочение правовых гарантий возможно при стабильности конституционного режима, следовании «иерархии норм» во главе с «жесткой» конституцией, наличии конституционного контроля, независимости суда, построения государственной власти на основе единства и субординации под руководством парламента, объективирующего общую волю в законодательстве;
- в концепции отвергнувшей парламентаризм Конституции 1958 г. очевидно, однако, определенное тождество замыслам ученого: идея всеобщего избирательного права как источника власти (общенародные выборы президента, особая роль «партийной» власти), широкие основания проведения референдумов, упрочение независимости суда, введение конституционного контроля (хотя и осуществляемого квазисудебным органом), делегированное законотворчество как дань принципу единства власти;
- в доктрине идеи Р. Карре де Мальберга остаются фундаментом современных концепций правовой государственности (Ж. Шевалье, М. Тропе, Э. Молин, Л. Фаворю, Ф. Моро Дефарж); изменения же ее сущности в контексте международной унификации правовых стандартов и развития надгосударственных форм интегра-

ции только подчеркивают актуальность учения мыслителя о суверенитете.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беше-Головко, К. Этатизм Раймона Карре де Мальберга и его неожиданная актуальность в современных условиях / К. Беше-Головко // Сравнительное конституционное обозрение. – 2008. – № 4. – С. 166–180.
2. Дюги, Л. Конституционное право. Общая теория государства : пер. с фр. / Л. Дюги. – М. : Тип. товарищества И. Д. Сытина, 1908. – 1000 с.
3. Carré de Malberg, R. Contribution a la théorie générale de l'Etat, spécialement d'après les données fournies par le droit constitutionnel français / R. Carré de Malberg. – Т. 1. – P. : Sirey, 1920. – 837 p.
4. Carré de Malberg, R. La loi, expression de la volonté générale, etude sur le concept de la loi dans la Constitution de 1875 / R. Carré de Malberg. – P. : Sirey, 1931. – 228 p.
5. Constitution de la IIIe République. Lois constitutionnelles de 1875. – Electronic data. – Mode of access: <http://mjp.univ-perp.fr/france/co1875.htm>.
6. Constitution française du 4 octobre 1958. – Electronic data. – Mode of access: <http://legifrance.org/html/constitution/constitution.htm>.
7. Foulquier, N. Maurice Hauriou, constitutionnaliste / N. Foulquier. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.juspoliticum.com/Maurice-Hauriou.html>.
8. Gemayel, S. L'Etat de droit / S. Gemayel. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.kataeb.com>.
9. Maulin, E. Carré de Malberg et le droit constitutionnel de la Révolution française / E. Maulin // Annales historiques de la Révolution française. – Electronic data. – Mode of access: <http://ahrf.revues.org/583>.
10. Millard, E. L'Etat de Droit, Idéologie Contemporaine de la démocratie / E. Millard // Question de démocratie / J. M. Février, P. Cabanel (ed.). 2001. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.juridicas.unam.mx/publica/librev/rev/boletin/cont/109/art/art4.pdf>.
11. Pech, L. Rule of Law in France / L. Pech // Asian Discourses of Rule of Law. Theories and implementation of Rule of Law in Twelve Asian Countries, France and the US / R. P. Peerenboom (ed.). – L. : Routledge, 2004. – P. 79–112.
12. Vile, M. J. C. From the Third Republic to the Fifth / M. J. C. Vile // Constitutionalism and the Separation of Powers. – 2nd ed. – Indianapolis : Liberty Fund, 1998. – Electronic data. – Mode of access: <http://oll.libertyfund.org>.

RAYMOND CARRE DE MALBERG AND HIS CONCEPT OF RULE OF LAW

V.V. Slezhenkov

The article deals with the analysis of R. Carre de Malberg' ideas, that stipulates the formation of the concept of rule of law in France. The author considers the main characteristics of the rule of law, notes the debatable aspects of its essence, shows the influence of the investigated views in historical perspective.

Key words: *rule of law; sovereignty; power; legality; legitimacy; hierarchy of norms; constitutionalism.*